

УДК 140.8

А. В. Гижя

(к. филос. н., доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая народная республика)

E-mail: 19andrey06@mail.ru

ЭНГЕЛЬС И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ДИАЛЕКТИКИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОПЫТОК ЕЁ ОБНОВЛЕНИЯ

***Аннотация.** В статье рассматривается работа Энгельса «Диалектика природы» в контексте как её исторически ведущего компонента, выраженного в названии монографии, так и в отношении её содержательно перспективных и актуальных трактовок, связанных с мировоззренческо-просветительской тематикой и вопросами общественно-исторического развития. Критически рассмотрена современная попытка обновления диалектики марксизма, предпринимаемая отечественными философами-марксистами.*

***Ключевые слова:** Энгельс, диалектика, развитие, естествознание, мировоззрение, научная картина мира.*

Диалектика как осуществление действительно познавательного мышления вошла в обиход общественного сознания европейской цивилизации после её становления в рамках немецкой классической философии, в особенности после работ Гегеля. Её первоначальная идеалистическая форма несколько не помешала восприятию сути этого метода в силу того факта, что мышление человека, в первую очередь, имеет своим предметом объективно существующие условия жизни и, если самим этим материальным обстоятельствам, их развитию присуща сложная противоречивость и глубокая взаимосвязь элементов опыта, то, соответственно, и познание их не может протекать в неподвижных, изолированных определениях и формализованных дедуктивных выводах. Идеалистическая форма диалектики выделяет, в первую очередь, именно понятийное движение и взаимопереход определений, не ставя вопрос о материальном источнике, детерминирующем, в целом и основном логику их функционирования. Более того, этот источник представляется не только вторичным и производным от идеи, но и вообще мистифицированным в своей сути. И, если в первом приближении идеалистическая форма диалектики составляет содержательно необходимый этап развития истинностного мышления, направляющий внимание на осознание гибкости используемых понятий и их взаимосвязи, то далее, по мере развития историко-культурных и социальных представлений, исходная мистификация нарушает все нормы нормального научного исследования. Соответственно, учения идеалистически настроенных буржуазных экономистов, социологов и прочих идеологов имманентно отягощены негодной мифологизацией исторического процесса наподобие известных точек альфа и омега Тейяра де Шардена или гегелевского абсолютного духа.

Выход диалектической формы истинностной мысли из ограничений и непоследовательности её идеалистического выражения начинается в XIX веке в её приложениях к истории естественных наук и математики, и к их состоянию на данный момент времени. Эту просветительскую работу начинает Ф. Энгельс. Он отмечает, что «презрение к диалектике не остаётся безнаказанным», ибо без теоретического мышления «невозможно связать между собой хотя бы два факта природы или уразуметь существующую между ними связь», а диалектика как раз и «является един-

ственным, в высшей инстанции, методом мышления, соответствующим теперешней стадии развития естествознания» [1, с. 42, 181].

Материалистическая диалектика пережила к сегодняшнему моменту свой небывалый взлет публикаций в советский период – в 80-х годах прошлого века вышло два многотомных, высокопрофессиональных издания по всем направлениям общественного познания [2, 3]. Последнее из них задумывалось как восьмитомник, однако последние три тома так и не были изданы. В нынешнюю эпоху утверждения либеральных концепций, т.е. в последние тридцать лет интерес к ней упал почти до нуля. Однако первая приведённая фраза Энгельса остаётся истинным выражением состояния дел в теоретическом мышлении, относящемся, в особенности, к социально-культурной, исторической, политической и всякой иной сфере человеческой жизни. Немногочисленные философские публикации по теме диалектики носят преимущественно юбилейный характер и выглядят более риторически-хрестоматийным напоминанием о былом величии. Попытки же реактуализировать диалектический метод, дополнить его или развить на принципиально новом фундаменте не осуществляются «парой звонких фраз (статей)», но могут прийти к реальному результату только при условии написания нового «Капитала», если это вообще возможно. В противном случае такие статьи, когда автор одновременно и критикует общество монополии крупного капитала и вроде бы стоит на социалистических позициях, но и поддерживает давно развенчанный подлинными историками миф о сталинизме, тотальных репрессиях и паразитировании политической системы СССР на социальном творчестве народных масс, как это описывается в [4], то его рассуждения о диалектике и её обновленном виде становятся очень шаткими, с выраженной встроенной идеологией антисоветизма времен холодной волны.

Действительно, автор, ссылаясь на открытость марксизма самокритике, выдвигает «гипотезу исторической ограниченности поля (пространства и времени) применения классической (гегелевско-марксовой) диалектики в её немодифицированном эпохой отчуждения виде» [4, с. 17]. Заметим, кстати, что в этой цитате, вопреки замыслу автора, дана как раз позитивная оценка диалектике гегелевско-марксового типа, и именно потому, что она не прошла некую «модификацию» эпохой отчуждения, она выражает не частную, а всеобщую, исторически не ограниченную форму истинностного мышления. Автор утверждает, что современность, представленная с точки зрения постмодерна симулякрами, «“плохо” познаваема в рамках ортодоксальной материалистической диалектики, адекватной для работы со «старыми» материальными и идеальными объектами, для которых, как правило, была характерна адекватность содержания и форм, знака и значения» [4, с. 7]. Странно. Разве не Маркс вводит понятие превращенных форм? Разве не утверждает эта «ортодоксальная диалектика» именно противоречие как центральное звено и познания сложных систем, и их бытия? Разве не Маркс различает видимость и подлинное содержание процессов труда? Разве в буржуазной политэкономии все её определения и представления точно соответствовали описываемым процессам жизнедеятельности общественного человека? Диалектика марксизма прекрасно различает действительную суть и её видимость, в этом и заключается её научность. Указанное же автором совпадение знака и значения относится в полной мере только к формализованным системам математического типа, но никак не к реальному историческому процессу.

Но как же автор обновляет «ортодоксальную диалектику»? В [4] им развивается феноменологическое ретроспективное описание, точнее, указание на «мультиценарность развития новой системы в условиях её революционного генезиса» [с. 14]. Такая «нелинейная диалектика заката» социальной системы, тем не менее, никак не противоречит прежним диалектическим представлениям. В. И. Ленин подчеркивает, что «представлять всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, не диалектично, ненаучно, теоретически неверно» [5, с. 6]. Все это, можно сказать, азы диалектического исторического мышления, и представляется негодным методологическим приемом сначала окарикатурить диалектику марксизма, а потом «развивать» её обновление.

Вернемся, однако, к вкладу Энгельса в популяризацию материалистической диалектики. Внимание Энгельса к вопросам диалектического мышления, как в истории, так и в стремительно развивающемся естествознании, было продиктовано в огромной степени тем несоответствием получаемых результатов науки в виде новых принципов и законов природы общему взгляду естествоиспытателей на мир как на некое неподвижное и неизменное целое. «Вся первая половина XIX в., - пишет Энгельс, - все ещё находилась под его (т.е. указанного взгляда – А. Г.) господством и по существу его преподают ещё и теперь во всех школах» [1, с. 11]. Последнее являлось своего рода данью общественного сознания тому религиозно-мифологическому типу мышления, который был укоренен повсеместно на протяжении многих веков и тысячелетий. Даже великий Ньютон, стремящийся «не измышлять гипотез», напряженно занимался теологическими вопросами, написал, в частности, комментарий на Апокалипсис, для чего предварительно изучил древнееврейский язык. Его коллега и давний оппонент Лейбниц в конце жизни издал «Теодицею» (1710). Компромиссом между каноническим христианским догматизмом и научным изучением природы, своего рода мировоззренческим паллиативом явился деизм, учение о первотолчке.

Энгельс, отмечая начало освобождения естествознания от теологии со времени опубликования труда Коперника «О вращении небесных сфер» (1543), замечает, что «выяснение между ними отдельных взаимных претензий затянулось до наших дней и в иных головах далеко ещё не завершилось даже и теперь» [1, с. 8]. Что сказал бы Энгельс, узнав, что и по сей день, уже в третьем тысячелетии, после 70-летнего доминирования в советском обществе научного сознания, ситуация вернулась к комически выглядящему «ренессансу» официозного православия не только в массах, но и в научной среде, как естественников, так и, в особенности, гуманитариев. Комизм заключается не в моральной стороне вероучения, а в практике онтологизации библейских, прежде всего, ветхозаветных истин в массовом сознании. Идеи креационизма вновь оказываются в центре мировоззренческих дискуссий, и религиозная картина мира довольно уверенно теснит научное представление о нём и, соответственно, научное мышление в целом.

В отечественной научной традиции, и в образовании в последние тридцать лет реактуализировались все те ненаучные, вульгарные и метафизические формы трактовок общественно-исторических процессов, которые были распространены в период домарковского материализма. В настоящее время в силу исключительно идеологических причин научное понимание истории, общества и человека в большой степени оказалось в ситуации мнимого плюрализма и навязываемого эпистемологического равноправия с религиозными «картинами мира», магическими практиками, оккультными системами и прочими архаизированными формами манипуля-

тивных технологий. В этом иллюзорном «равноправии» научное мышление, во-первых, в массовом общественном сознании превращается, практически, в маргинально-реакционное, догматическое и ритуализованное понимание, не обладающее каким-либо решающим преимуществом относительно религии и потому, во-вторых, субъекты научной деятельности должны вновь доказывать просвещенному обывателю свою необходимость. Даже, точнее, не «вновь доказывать» - поскольку ни Галилей, ни Ньютон ничего никому не доказывали, а впервые в истории обосновывать своё существование. Против науки как формы истинностного понимания и объяснения был применён даже её собственный лозунг свободомыслия, поскольку аксиомы и принципы научного познания сейчас нередко определяются как новая догматическая систематика, ведущая, в лучшем случае, к случайным и относительно истинам, имеющим временный характер, и, во всяком случае, не затрагивающих саму суть человеческого бытия. Толкование этой сути вновь отдано церкви, ведущую откровенную экспансию в мировоззренческие, культурные, финансовые и даже политические сферы жизни общества.

Здесь, в этой ситуации продуцируемого гносеологического хаоса присутствуют два момента. Первое касается развития естественных наук, и, прежде всего, теоретической физики. Математический формализм моделирующего описания и экспериментально-измерительная база этих исследований является надежным заслоном всякого рода идеологическим, конфессиональным и прочим спекуляциям относительно получаемого нового знания. Так было уже во времена Ньютона, Лейбница и Декарта. Их теологические интересы и предпочтения никак или почти никак не сказались на собственно научной стороне их деятельности. Тем более это касается математики. Только содержательная интерпретация некоторых формул – наподобие известной формулы Эйнштейна о связи массы и энергии – способна породить дискуссию, имеющую, к тому же, более метафизический характер, нежели напоминающую богословский диспут. Единственно мировоззренческие, историко-культурные и политические высказывания некоторых известных ученых-естественников, лежащие вне самого поля науки, могут вести к изрядной путанице в голове как простого обывателя, так и интеллигенции. И это тоже не ново: «...Каждый естествоиспытатель, - приводит Энгельс слова Вирхова, - вне своей собственной специальности является... полузнайкой, vulgo профаном» [1, с. 25-26]. Второй аспект заключается в крайней идеологизации и политизации дисциплин социально-гуманитарного цикла. Здесь нет ни практики эксперимента, ни измерительных процедур, ни моделирующего формализма. Им по существу нечего противопоставить растущей постмодернистско-позитивистской вульгаризации представлений истории, общества и человека.

Единственным выходом в этом случае является добросовестное прослеживание объективной логики развития с необходимой конкретизацией выводов, опирающихся не только на обширный фактический материал, но и, основное, на верно выбранную методологию движения от абстрактного к конкретному. Дополнительным фактором успешного исследования в этой области, в отличие от естественных наук, является в полной мере не формализуемое состояние морального сознания. При наличии прочих равных условий он может стать решающим условием познания, так, что не должная моральная направленность, выраженная в оскудении морального чувства, неразвитости субъектно-гуманистической позиции, отсутствии ощущения личной сопричастности страданиями и бедам трудящихся, сочувствия к ним, высокомерие, снобизм и классовая ограниченность многих представителей

интеллигенции – всё это не даст им возможности, невзирая на наличие образованности и общей культуры, формулировки действительной научной теории развития общества без понятийных мистификаций, схоластики, необоснованных допущений и явных или скрытых реверансов в сторону существующей власти.

Энгельс в «Диалектике природы» ведёт речь преимущественно о диалектическом способе мышления именно в естественных науках. Что характерно, делает это Энгельс с огромной степенью назидательности, нередко в форме прямого поучения и наставления, не стесняясь в нелестных эпитетах по отношению к естествоиспытателям, в том числе и с мировым именем. Таковы, видимо, были тогдашние правила ведения полемики. Он трактует диалектику как «науку о связях» [1, с. 44] в противовес взглядам эмпириков и вообще односторонней метафизике, от которой ускользает «связь целого» [1, с. 141]. Как ведущие законы диалектики им указаны три закона гегелевской логики – количественных и качественных изменений, единства и борьбы противоположностей и отрицания отрицания. Отличие от Гегеля в том, что Энгельс полагает эти законы не только лишь законами правильной познающей мысли, но и законами самого объективного материального мира. Здесь, в этой принципиальной точке размежевания материалистического и идеалистического философствования, если присмотреться менее догматично и более сообразно самому духу классического мышления, указанное различие окажется заметно потускневшим. Действительно, абсолютный идеалист Гегель писал, что «Идея налична и действительна в явлениях, а не где-то за пределами и позади явлений» [6, с. 127]. Это высказывание звучит вполне материалистически и, во всяком случае, указывает на то, что если Гегель и считал необходимым для философии «постоять на голове», то имел на этот счёт свои соображения.

Энгельс очень подробно, с привлечением большого материала из области естественных наук и, особенно, химии, показывает выполнение первого закона. Традиционно, и в дальнейшем, уже в каноническом изложении диалектического материализма в виде курса лекций по марксистско-ленинской философии, этот момент будет разжевываться с той же степенью обстоятельности. Также дотошно Энгельс анализирует и состояние дел в основных науках XIX в., в механике и астрономии, математике, биологии, выделяя её индифферентность к диалектике как серьёзный недостаток современного ему уровня науки. В целом, монография Энгельса «Диалектика природы» с этой точки зрения производит двойственное впечатление. С одной стороны, несомненно, что диалектика, ищущая взаимопереходы определений, всеобщие связи явлений, понимающая противоречия не как логический тупик, а, напротив, как «живой нерв» всякого развития, стоит выше абстрактно-одностороннего типа мышления. Но это была бы как раз метафизическая оценка их соотношения по причине того, что в ней эти типы мышления видятся не диалектически, не во взаимопереходе, а как находящиеся в односторонне полярном и неизменном размежевании – есть одно и другое. Одно – это почти эзотерическое, просветленное знание универсальных принципов истинностного познания, другое – косная практика мышления ученых всех направлений, которые сплошь и рядом не в состоянии уразуметь того, о чём философия говорила много веков назад.

На деле же абстрактно аналитический подход по необходимости является начальным в научном познании по простой необходимости изначального понимания рассматриваемого явления в наиболее простой форме его движения. Таковой формой является механическое перемещение. Ведь прежде чем говорить о всеобщей связи, требуется ясное определение тех величин, для которых эта связь пред-

полагается. На этот счёт ответ дала сама история философии и науки: так, Гегель, оценивая достижения Ренессанса в научном познании, констатировал, что там столько всего беспорядочно намешано, что проще прийти к истине, пользуясь действительным научным методом, а не выискивая в общем наследии эпохи Возрождения жемчужины истины. К тому же, чтобы отделить их от заблуждений, нужно как-то ориентироваться в том, что мы ищем, т.е., фактически, уже знать эти истины. Поэтому нельзя признать упрёк Энгельса, неоднократно высказанный на протяжении всего текста «Диалектики природы», что-де философы уже давно высказали верные положения, а наука только-только к ним подходит.

Философы высказали, во-первых, далеко не только «верные положения», но и массу спекулятивных домыслов о мире, и, во-вторых, одно дело умозрительно схваченные и приблизительно сформулированные «общие представления», но совершенно другое формулировка их в рамках точной понятийной системы с возможностью математической формализации. Декарт так характеризует своё отношение к существующей познавательной традиции: «... Я вовсе не стремлюсь исследовать, что знали другие или чего они не знали; мне довольно заметить, что, если бы даже вся наука, какой только можно желать, содержалась в написанных книгах, все равно то хорошее, что в них есть, перемешано с таким количеством бесполезных вещей и беспорядочно раскидано в такой куче огромных томов, что для прочтения всего этого потребовалось бы больше времени, нежели нам отпущено в этой жизни, а для выборки полезных истин — больше ума, нежели требуется для самостоятельного их открытия» [7, с. 155] И третье, невзирая на элементарную простоту трех постулатов Ньютона, выражающих законы механики, ни один из них не был высказан даже приблизительно наиболее научным умом античности, Аристотелем. В том-то и дело, что эта простота обманчива, и требует совсем иной, не созерцательной практики мышления древних.

Излишним педантизмом выглядит и попытка Энгельса развернуть понятие числа, манипулируя арифметическими действиями или, скажем, углубить содержание понятия единицы перечислением вариантов её получения. Для математики это тривиально, и её дальнейшее развитие пошло совсем по другому пути, а именно – в рамках развития аксиоматически-дедуктивного подхода к вопросам обоснования самой математики, с основанием на представлении множеств. Это одна сторона впечатления от работы Энгельса, несущая отпечаток известной исторической ограниченности. Однако есть и другая сторона, позитивная.

Энгельсу удалось дать краткий, но емкий по существу популярный очерк, излагающий достижения современной ему науки во всех основных сферах познания. Сделано это на высоком уровне владения материалом, и, что важно, применяемый Энгельсом метод материалистической диалектики позволил, несмотря на некоторую полемическую заострённость, дать в ряде случаев точные прогнозы и оценки. Основные из них касаются темы взаимоперехода форм движения и – самое впечатляющее – Энгельс очень однозначно, вопреки расхожему мнению ученых той эпохи, высказался о неверности утверждения о «тепловой смерти Вселенной», которое вытекало из второго начала термодинамики о росте энтропии замкнутой системы. Он пишет: «Вопрос будет окончательно решён лишь в том случае, если будет показано, каким образом излучённая в мировое пространство теплота становится вновь *используемой*. Учение о превращении движения ставит этот вопрос в абсолютной форме...» [1, с. 248]. Это его общетеоретическое умозаключение исторически оказалось совершенно верным. Хотя в современной науке относительно дальнейшей

эволюции Вселенной до сих пор нет устойчивого окончательного ответа, тем не менее можно утверждать правоту Энгельса, поскольку он опирается не только на верную трактовку закона сохранения энергии и взаимоперехода форм движения, но и на то бесспорное соображение, что «...в природе не происходит никаких чудес и... первоначальная теплота туманности не была получена ею чудесным образом из внемировых сфер» [1, с. 249].

В настоящее время большее значение, нежели проблема диалектизации мышления в естествознании, приобрела тема собственно просветительская, предполагающая популяризацию достижений науки и их правильную трактовку, и, второе, актуализировались вопросы познания современного этапа общественно-исторического развития. Первая сторона в своём мировоззренческом (а не только в простом разъяснительном) контексте нашла полное отражение в рассматриваемой работе Энгельса, а раскрытие второй (в совокупности с просветительской работой), по естественным причинам, лежит исключительно на плечах нынешнего поколения. Относительно же наблюдающихся попыток понятийно модернизировать или обновить марксистскую диалектику следует заметить, что, безусловно, конструктивная самокритика (самодействие) традиции необходима для её творческого развития и роста эвристического потенциала, но достигается это не на пути своего рода интеллектуального снобизма, когда, например, три закона диалектики объявляются примитивными и устаревшими, а в практике действительного решения острых социально-исторических проблем. Причем, такое решение не носит характера схоластически-абстрактного и простого ретроспективного описания отвлеченно звучащих «зигзагов истории», её «реверса» или «нелинейного заката» социальных систем, но находит и конкретно формулирует те особенности исторического развития, которые по тем или иным причинам действительно были упущены или ошибочно представлены в предшествующих исследованиях. Если такое происходит, то используемые новые методологические приемы и понятия смогут реально обновить и сам диалектический метод.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энгельс Ф. Диалектика природы. – М.: Политиздат, 1975. – 359 с.
2. Материалистическая диалектика как общая теория развития: в 4-х т. Тт.1-4. – М.: Наука, 1982-1983.
3. Материалистическая диалектика как научная система. В 8-ми книгах. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983-1988.
4. Бугалин А. В. Диалектика в мире креатосферы и сетевых структур: критике постмодернизма (реактуализация диалектического метода - i) // Философия хозяйства. - 2009. - № 2 (62). – С. 111-140.
5. Ленин В. И. О брошюре Юниуса // Ленин В.И. Полн. собр. соч., изд. 5, т. 30. – М.: Политиздат, 1973. – С. 1-16.
6. Гегель Г.В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
7. Декарт Р. Разыскание истины посредством естественного света // Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – С.154-178.

A. V. Gizha

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: 19andrey06@mail.ru

ENGELS AND THE POPULARIZATION OF DIALECTICS IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY ATTEMPTS OF ITS UPDATE

Annotation. *The article examines the work of Engels "Dialectics of Nature" in the context of both its historically leading component, expressed in the title of the monograph, and in relation to its meaningfully promising and relevant interpretations related to ideological and educational topics and issues of socio-historical development. The modern attempt to update the dialectics of Marxism, undertaken by Russian philosophers-Marxists, is critically examined.*

Key words: *Engels, dialectics, development, natural science, worldview, scientific picture of the world.*